

УДК 81'276.6:34

**РАБОТА СО СЛОВОМ И МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И АВСТРАЛИЙСКИХ
СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ)**

Т.В. Дубровская

Пензенский государственный университет, Пенза

Анализ роли языка в профессиональной деятельности юриста в существующих исследованиях часто сводится к рассмотрению риторической стороны речей в судебных прениях. Мы осознаем ограниченность такого похода и утверждаем, что язык и лингвистический анализ исполняют более значимую роль в зале суда, чем та, которая им традиционно отводится. Положения иллюстрируются примерами разных коммуникативных ситуаций.

Ключевые слова: судебная коммуникация, метаязыковая рефлексия, юрист, русский, английский, австралийский.

**Work on Language and Metalinguistic Reflection in Lawyers' Professional
Activity (Based on Russian, English and Australian Courtroom Data)**

Tatiana V. Dubrovskaya

Penza State University

Previous discussions of language in lawyers' professional activities have focused predominantly on the rhetoric of barristers' final statements. To overcome the limitations of this approach, the argument is advanced that language and linguistic analysis play a more significant role in the courtroom than it is traditionally thought. Examples of various communicative situations are provided to illustrate the point.

Key words: courtroom communication, metalinguistic reflection, lawyer, Russian, English, Australian.

О роли языка в профессиональной деятельности юристов, главным образом – в зале суда, написано немало. В отечественных исследованиях судебной речи большое внимание уделяется риторической стороне длительных монологических высказываний, к которым традиционно относят обвинительную и защитительную речи. Именно выступления прокурора и адвоката наиболее тщательно изучались на предмет использования ораторами разных языковых средств и стилистических приемов с целью убеждения суда [1; 2; 7; и др.].

Такой подход к речи юриста в условиях профессионального общения представляется нам очень ограниченным по ряду причин. Во-первых, речевое взаимодействие в ходе судебного процесса нельзя сводить исключительно к произнесению монологов в прениях, поскольку к этому этапу судебного заседания ведет долгий путь диалогического взаимодействия всех участников судебного процесса. Во-вторых, внимание к лингвистической стороне судебного процесса не должно

ограничиваться рассмотрением стилистики высказываний, пусть даже и с функциональной точки зрения. Мы возражаем против такого подхода к языку и его роли в сфере правосудия.

Как замечает И.Г. Овчинникова, «носитель языка, т.е. любой человек, вступающий в акт коммуникации, прежде всего намерен достичь адекватного социального взаимодействия. Средства достижения намеченной цели варьируют в разных типах коммуникативных ситуаций, равно как и варьирует и степень осознанности выбора вербальных и невербальных средств» [5. С. 11]. Развивая мысль о различной степени осознанности при использовании языка, мы утверждаем, что всё судебное заседание с начала и до конца требует от его участников – особенно профессиональных – повышенного внимания к слову, своему и чужому, и метаязыковой рефлексии.

В настоящей статье мы рассмотрим разные ситуации речевого взаимодействия в зале суда, в которых участники проявляют повышенное внимание к речевому материалу, и обозначим ряд лингвистических явлений, которые, на наш взгляд, влияют на ход судебного процесса. Мы полагаем, что представление более широкого круга проблем, имеющих языковой характер, позволит юристам открыть для себя новые и полезные для их работы грани лингвистики. Кроме того это дает возможность избавиться, хотя бы отчасти, от традиционного для лингвистики стилистического подхода к судебной речи.

Материалом для данного исследования послужили стенограммы, аудио- и ручные записи современных судебных заседаний в России, Англии и Австралии (1997-2012). Поскольку в этой статье мы не ставим перед собой цели кросс-культурного сопоставления материала, выдвигаемые тезисы будут иллюстрироваться наиболее показательными примерами из разных лингвокультур.

Итак, выполнение юристами своих профессиональных обязанностей в судебных заседаниях очень часто предполагает осуществление метаязыковой деятельности, под которой мы понимаем осознанное рассмотрение и анализ некоторого языкового материала, обозначаемого в заголовке статьи как слово. Языковой материал толкуется максимально широко: это могут быть как отдельные слова и реплики самих участников процесса, так и целые серии документов, анализ которых предусмотрен ходом судебного разбирательства. Осуществление юристом метаязыковой деятельности в суде является составной частью его коммуникативной компетентности. (Другие аспекты коммуникативной компетентности юристов мы рассматривали ранее в [3].)

Обратимся сначала к ситуациям, в которых объектом метаязыковой рефлексии становятся **высказывания, произносимые непосредственно в зале суда**. Типичность таких ситуаций не удивительна, поскольку погрешности при построении высказываний и их толковании

непосредственно влияют на результат судебного процесса. Ситуации такого рода можно условно разделить на несколько типов.

1. Для ситуаций первого типа характерно внимание к высказываниям, в основе которого лежит стремление получателя речи избежать ошибок при толковании чужих слов. Предметом метаязыковой рефлексии и уточнений могут стать слова, обозначающие самые **обыденные понятия**, но имеющие достаточно широкую, размытую семантику. Так, во фрагменте (1) из судебного допроса судьёй свидетеля предметом метаязыковой рефлексии и обсуждения становится слово «знакомы»:

(1) Судья: Известна ли вам Е.З.?

Свидетель: Нет.

Судья: В суде Н-ском видели ее?

Свидетель: В суде видел.

Судья: Вы с ней *знакомы*?

Свидетель: Близко *не знаком*. Если наглядно вот так вот. То есть я не знаю, где она живет...

Судья: Так, это понятно, но вы были *знакомы*?

Свидетель: Наглядно.

Судья: Еще на тот период, 2006 год?

Свидетель: Только на суде виделись, наглядно только *знакомы*. И то...

Судья: Наглядно-то вы почему *знакомы*? Потому что на суде ее видели или раньше с ней виделись?

Свидетель: Раньше виделись. Потом на поселении что ли. Мы же познакомились с этой С. на поселении.

Судья: Так, по-другому вопрос поставлю. До рассмотрения дела Н-ским судом в 2006 году вы с З. общались?

Свидетель: Нет. (А/З 10.04.2012)

Для судьи принципиально важно выяснить степень знакомства свидетеля со сбытчиком наркотиков Е.З., однако само понятие знакомства заводит допрос в тупик. Судья решает переформулировать вопрос помощью глагола «общались» и теперь получает однозначный отрицательный ответ допрашиваемого.

Предметом уточнений и метаязыковых комментариев может стать **жаргонная лексика**. Непрофессиональные участники судебных процессов, имеющие криминальный опыт или ведущие асоциальный образ жизни, склонны к использованию жаргонной лексики даже в условиях институционального общения в зале суда. В таких случаях профессиональный участник, ведущий допрос, вынужден с целью уточнения смысла «переводить» сказанное на литературный русский язык, как в примере (2), где показания даёт бывший наркоман:

(2) Свидетель: Часть мы *сделали*, а часть мы оставили дома.

Судья: Часть вы что *сделали*? Вы *употребили*?

Свидетель: *Употребили*. Да. (А/З 10.04.2012)

Жаргонное «сделали» в значении «употребили наркотик» судья заменяет в своем переспросе эллиптическим «употребили» и получает от свидетеля подтверждение правильного понимания.

Отметим также примеры **терминологических поправок**, которые профессиональные юристы вносят в речь непрофессионалов, неточно или неправильно использующих юридическую терминологию. В следующем примере судья исправляет в речи свидетеля юридически неверную квалификацию преступления:

(3) Судья: Вы обвиняетесь в каких преступлениях по делу этому? В чем конкретно?

Свидетель: *В распространении*.

Судья: Так, *в сбыте*? То есть если *в сбыте*, то тогда вам предъявлено обвинение *в сбыте* кому-то. Да? Кому? Эпизодов сколько? (А/З 04.04.2012)

Проявления в речи метаязыковой рефлексии, направленной на устранение неточностей и неясностей при словоупотреблении, характерны для всех профессиональных участников судебного заседания, включая судью и представителей защиты и обвинения. Как видно из приведенных выше примеров, распространенными способами контроля собственного понимания чужой речи являются переспросы, перефразирования, уточнения.

2. В отдельную группу мы, однако, выделяем ситуации перефразирования чужих слов, реализующие потенциал языкового воздействия. Такие перефразирования, безусловно, требуют от говорящего не только профессионального мастерства, но и настолько виртуозного владения языком, что некоторая манипуляция с языковыми средствами не осознается получателями речи. Мы не говорим об искажении допрашивающим показаний свидетеля, скорее – о расстановке акцентов в этих показаниях. Такая расстановка может осуществляться добавлением буквально одного слова, иной акцентуацией сказанного, перестроением предложения. Приведем пример:

(4) Адвокат: А вы могли, если вам, как вы поясняете, стало неинтересно... Была у вас возможность уйти?

Свидетель обвинения: Да, *я могла уйти*.

Адвокат: *Вы могли уйти. Спокойно встать и уйти*. Кроме того, что, как вы пояснили, вы не хотели обидеть подругу, в принципе у вас была *возможность уйти*. (Св.И. А/З 23.12.2011)

Адвокат трижды повторяет показания свидетеля, причем один раз модифицирует их словом *спокойно*, подчеркивая добровольный характер действий свидетеля и снимая тем самым ответственность за происходящее с подсудимых.

3. Ситуации третьего типа связаны с интерпретацией коммуникативных намерений – своих или собеседника. Сообщения профессиональных участников судебного процесса о своих коммуникативных намерениях способствуют большей ясности и прозрачности судебного заседания, а также установлению конструктивных отношений. Безусловно, такие сообщения особенно важны для непрофессиональных участников, находящихся в непривычной обстановке суда и не знакомых с регламентом судебного заседания.

Судья предваряет суммирование данных свидетелем показаний комментарием о своих намерениях повторить сказанное с целью проверки понимания:

(5) Судья: Так, *я сейчас вкратце перечислю*, правильно я вас понял, события, о которых вы сейчас даёте показания. Вы утверждаете, что в 2006 году вы принимали участие в одной проверочной закупке в отношении Б. и приобретали у него в районе Ш. наркотическое средство героин. (А/З 04.04.2012)

В другой ситуации судья вынужден комментировать свои речевые действия, чтобы добиться ответа свидетеля на поставленный им вопрос:

(6) Судья: *Я не говорю*, что вы это совершили. *Я просто спрашиваю*, обвинение вам какое предъявили <...> Я вас *не обвиняю* ни в чем. Виновны вы или невиновны – это Н-ский суд будет рассматривать. (А/З 04.04.2012)

В следующем английском примере судья комментирует свои действия, подчеркивая, что не дает никаких обещаний выпустить обвиняемого под залог даже в случае получения положительной психиатрической экспертизы:

(7) Judge: *I am not pre-judging* the issue, and *I am certainly not saying* that if there is a favourable psychiatric report, he will get bail. (Weddell 2007)

(Судья: Я не сужу заранее, и я ни в коем случае не утверждаю, что в случае получения положительного результата психиатрической экспертизы он сможет быть выпущен под залог.)

И в русских, и в английских примерах судьи используют глаголы речи (*не говорю, спрашиваю, не обвиняю, am not pre-judging, am not saying*), чтобы четко обозначить перед другими участниками процесса свои коммуникативные намерения.

Если собственные коммуникативные намерения непосредственно доступны для метаязыковой рефлексии и анализа, то выводы о намерениях других коммуникантов основываются на наблюдениях за их речевым поведением и имеют гипотетический характер. Очевидно, что только участники процесса с более высоким социальным статусом, т.е. профессиональные участники – судьи, представители защиты и обвинения, – могут делать такие выводы гипотетического характера о коммуникативных намерениях участников процесса с более низким

социальным статусом, т.е. непрофессиональных участников. Таких примеров в нашем материале немного, но они есть. Так, судья, на вопрос которого свидетель даёт расплывчатые ответы, в результате делает вывод о намерениях свидетеля:

(8) Судья: То есть *вы не желаете отвечать*, в чем вы обвиняетесь. (А/З 04.04.2012)

Такой вывод судьи вынуждает свидетеля более ответственно относиться к своим ответам.

С другой стороны, объектом анализа может стать не только форма и содержание ответов, но и вопросы, задаваемые сторонами в ходе судебных допросов. В следующем примере видим, что форма вопросов прокурора вызывает возражение стороны защиты, и судья вмешивается в ситуацию, рекомендуя прокурору изменить способ формулировки:

(9) Прокурор: То есть вот на тот момент, когда ты с ними познакомилась у См-ых, они уже по поселку вашему ходили. То есть ты уже знала, что есть такие люди.

Свидетель: Да.

Прокурор: И боясь со стороны отца реакции ...

Адвокат: Ваша Честь, я возражаю. *Это уже не вопросы. Это констатация фактов.*

Судья: Попрошу *ставить вопросы, чтоб ответить на них можно было.* (Св. И. А/З 23.12.2011)

Некоторые другие функции и средства метаязыковой деятельности профессиональных участников судебного процесса, главным образом – судьи, были рассмотрены нами в [4; 5]. Однако объектом внимания и метаязыковой рефлексии может быть не только дискурс, создаваемый в ходе судебного заседания. Ситуации иного типа мы и рассмотрим далее.

В отдельную группу мы выделяем такие ситуации, в которых **метаязыковая деятельность участников судебного процесса направлена на языковой материал, созданный вне зала суда** и представляющий важность по той или иной причине.

1. Отметим прежде всего ситуации, когда языковой материал является причиной судебного процесса. Яркими примерами таких судебных процессов являются процессы по обвинению в клевете, разжиганию религиозной или национальной розни. В наших материалах это процесс по обвинению в клевете противников компании МакДональдс (McDonalds 1997), процесс по обвинению в клевете, инициированный английским историком Д. Ирвингом против издательства Penguin (Irving 2000), процесс против секты Свидетелей Иеговы по ст. 282 Уголовного Кодекса РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (Св. И. А/З 2011). Во всех этих процессах объектом анализа стал разного рода языковой материал: брошюры о компании МакДональдс, составленные ответчиками; тексты книг

Д. Ирвинга; религиозная литература, распространяемая представителями упомянутой секты. Профессиональные участники процесса оказываются вовлечены в интенсивную метаязыковую деятельность по рассмотрению этих текстов.

Мы понимаем, что процессы такого рода составляют лишь небольшую часть от общего числа судебных заседаний и поэтому не могут быть представлены в качестве типичных примеров. Однако даже «самые обычные» судебные процессы могут содержать обращение к внешнему языковому материалу и его рассмотрение, требующее от участников-юристов предельного внимания.

2. Безусловно, важным языковым материалом является тот, который рассматривается в качестве свидетельств, улик. Так, в австралийском процессе по обвинению одного из участников гомосексуального треугольника в убийстве объектами анализа становятся записи телефонных разговоров подсудимого, его смс-переписка и переписка в социальной сети Facebook. Вопросы, относящиеся к этим текстам и задаваемые подсудимому адвокатом, прокурором и судьей, касаются значений как отдельных слов, так и целых фраз. Приведем несколько цитат из наших ручных записей:

(10) Defence: What do you mean by “I don’t do it. He started it. I swear, I swear to you”. (AUS 18.11.2012)

(Адвокат: Что вы имеете в виду под словами «Я не делал этого. Он все затеял. Я клянусь, клянусь тебе»);

(11) Judge: Mr. A., who do you call ‘he’ in this text message? Oh, sorry, Facebook message. (AUS 18.11.2012)

(Судья: Мистер А., кого вы называете ‘он’ в этом смс-сообщении? Ой, прошу прощения, в сообщении на Фэйсбук?);

(12) Prosecutor: You said ‘unworthy’. Unworthy of what? (AUS 18.11.2012)

(Прокурор: Вы сказали ‘не стоящий’. Не стоящий чего?)

От того, какие детали содержания данных текстов представители сторон и судья считают принципиально важными и выносят на обсуждение, зависят ответы подсудимого и – в конечном счете – вердикт присяжных.

3. Объектом языкового анализа могут стать документы досудебного следствия. Причем внимательный и лингвистически грамотный юрист может представить в свою пользу отмеченные в документе языковые характеристики. Яркий пример такого грамотного использования адвокатом языковых характеристик текста представлен ниже:

(13) Адвокат (свидетелю): Как вы объясните, что в протоколе есть те фразы и выражения, которые вы вообще не используете?

Судья: Поконкретней вопрос, пожалуйста.

Адвокат: Хорошо. Это очень легко. Тут вот неоднократно используется «религиозная организация Свидетели Иеговы». Вы в жизни сейчас ни разу не произнесли это выражение.

Прокурор: Следователь составляет протокол, близко к тексту пересказывает слова свидетеля.

Адвокат: Хорошо. (Свидетелю) То есть правильно ли я понял, что следователь изменил ваши показания?

Прокурор: Этого никто не говорил!

Адвокат: Вы только что это сказали. (Св. И. А/З 23.12.2011)

В этом фрагменте мы можем наблюдать, как на основе сравнения лингвистических характеристик протокола следствия и устных показаний в суде адвокат развил наступательную стратегию, в результате чего под сомнение поставлена правильность, правдивость протоколов следствия.

Представленный нами список, включающий ситуации метаязыковой деятельности профессиональных юристов в суде и анализируемые языковые аспекты, не является исчерпывающим. Безусловно, его можно расширить и отметить значительное количество деталей в уже выделенных нами ситуациях и аспектах. Однако мы полагаем, что выполнили поставленную задачу и нам удалось продемонстрировать многообразие ситуаций судебного речевого взаимодействия, в которых юрист, осознанно подходящий к языковому материалу в разных его формах, более эффективно выполняет свои профессиональные функции. Все приведенные в статье речевые примеры, иллюстрирующие работу профессиональных юристов с языком, представляют диалогическое общение в суде – основную по времени часть судебного процесса. Разнообразие аспектов языка, подвергающихся анализу, как видим, вовсе не сводится к правильному применению «цветов красноречия». Более того, вопрос красноречия вообще представляется далеко не столь актуальным в отличие от проблем толкования устных высказываний и письменных текстов, перефразирования, в том числе стратегического, высказываний других участников, интерпретации своих и чужих коммуникативных намерений.

Библиографический список

1. *Введенская Л.А., Павлова Л.Г.* Риторика для юристов: Учебное пособие. Ростов-н/Д: Изд-во «Феникс», 2002. 576 с.

2. *Девяткина В.В.* Защитительная речь адвоката: объект оценки как стилиобразующий фактор // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. Вып. 9. С. 154-160.

3. *Дубровская Т.В.* О коммуникативной компетентности юристов в судебном дискурсе // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах

Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Вып. 10. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2012. С. 291-298.

4. *Дубровская Т.В.* О роли метакоммуникативных средств в речи английского судьи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2008. №7 (31). С. 91-94.

5. *Дубровская Т.В.* Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. 351 с.

6. *Овчинникова И.Г.* Проявление метаязыковой компетенции в обыденной коммуникации (по материалам речи дошкольников) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: Коллект. монография. Ч. 3 / Отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово, 2010. С. 11-19.

7. *Тархова Е.В.* Повторы и их функции в судебной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 22 с.

Список материалов

1. А/З 10.04.2012 – Аудиозапись судебного заседания в суде г. Пензы. Уголовный процесс.

2. А/З 04.04.2012 – Аудиозапись судебного заседания в суде г. Пензы. Уголовный процесс.

3. Св. И. А/З 2011 – Аудиозапись судебного заседания по делу Свидетелей Иеговы. Уголовный процесс.

4. AUS 18.11.2012 – Ручные записи судебного заседания по делу THE STATE OF WESTERN AUSTRALIA -v- ALMANSOURI.

5. Irving 2000 – Стенограммы судебного процесса David John Cawdell Irving (claimant) and Penguin Books Limited, Deborah E. Lipstadt (defendants) (2000) // Электронный ресурс Интернет: <http://www.fpp.co.uk>.

6. McDonald's 1997 – Стенограммы судебного процесса McDonald's Corporation, McDonald's restaurants limited (plaintiffs) and Helen Marie Steel, David Morris (defendants) (1994-1997) // Электронный ресурс Интернет: <http://www.mcspotlight.org/case/trial/transcripts/index.html>.

7. Weddell 2007 – Фрагменты стенограммы судебного процесса REGINA v. Garry Weddell (2007) // Сайт судей Англии и Уэльса. Электронный ресурс Интернет: http://www.judiciary.gov.uk/publications_media/general/weddell3001082.htm.